

товаров. Также дополнены перечни прав и обязанностей должностных лиц таможенных органов и проверяемых лиц при проведении таможенной проверки.

Таким образом, исходя из тенденций развития более совершенной системы взаимоотношений таможенных органов и бизнес-сообщества в Российской Федерации и в странах членов-Союза, возникает необходимость формирования более эффективной системы управления рисками в таможенной деятельности национальных сегментов, риск-менеджмента в деятельности участников ВЭД и предприятий околотаможенной сферы.

Источники

1. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 18 декабря 2014 г. № 233 «О проекте Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза».

2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 29.05.2014 № 68 «Об основных направлениях развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности».

3. Распоряжение ФТС России от 30 января 2015 г. № 32-р «Об утверждении алгоритма автоматической регистрации декларации на товары, поданной в форме электронного документа, в соответствии с таможенной процедурой, предусматривающей вывоз товаров, и алгоритма автоматического выпуска декларации на товары, поданной в форме электронного документа, в соответствии с таможенной процедурой экспорта» (в ред. Распоряжения ФТС России от 18.05.2015 № 144-р).

4. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 04.02.2015 № 4 «О детализированном плане на 2015 год по выполнению плана мероприятий по реализации основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности»

5. Приказ ФТС России № 1253 от 25 июня 2015 года «О решении коллегии ФТС России от 29 мая 2015 года «О проекте Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и направлениях совершенствования технологий совершения таможенных операций и таможенного контроля».

6. Гошин В.А. ЕАЭС держит курс на развитие [Статья] // А.В. Гошин, Министр по таможенному сотрудничеству ЕЭК. – URL: <http://customsexpert.ru/articles/rost-eksporta> (дата обращения 01.11.2015).

7. Хулхачиев Б.В. Финансовая политика в рамках евразийской интеграции. – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). – М., 2015. – 48 с.

Солодовников С.Ю.,

д-р экон. наук, проф.,

зав. кафедрой «Экономика и право»,

(Белорусский национальный технический университет, г. Минск)

РАСШИРЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН-УЧАСТНИЦ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ И АРМЕНИИ¹

В настоящее время в различного рода литературных источниках и в электронных СМИ происходит лавинообразный рост диаметрально противоположных суждений как о перспективах Таможенного союза и ЕАЭС, так и о том, какие формы со-

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения договор с БРФФИ № Г14АРМ-007 от «23» «мая» 2014 г. «Расширение Таможенного союза как фактор повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц: на примере Беларуси и Армении».

трудничества в рамках этих объединений экономически эффективны. В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности в последние годы наблюдается увеличение отрыва практики интеграционных процессов в СНГ от их теоретического осмысления. По нашему мнению, это происходит по причине недостаточного внимания ревизии методологических основ исследования названных процессов. В связи со сказанным, прежде чем перейти к разработке эффективных форм белорусско-армянского сотрудничества в сфере расширения Таможенного союза, проведем уточнение теоретико-методологических основ, которые позволят по-новому взглянуть на этот процесс, а также будут способствовать его категориальному описанию.

По нашему мнению, типологизация экономических систем по критерию восприимчивость/невосприимчивость к тем или иным формам воздействия является излишни «прямолинейной», за счет чего вульгаризируется объект теоретического осмысления, а это непосредственно сказывается на качестве экономического моделирования. Профессор Колумбийского университета М. Вудфорд справедливо отмечает, что ему «не кажется, что на пути к более надежным экономическим рассуждениям следует отказаться от привычки экономистов использовать модели» [1], но необходимо существенно повысить их качество, поскольку сегодня экономисты, как отмечает другой американец Д. Кей, слишком часто прибегают к некачественным моделям [2]. Ликвидировать гносеологический пробел в типологизации экономических систем по критерию их восприимчивости к внешнему воздействию можно за счет понятийного обогащения экономической теории категорией Ж. Бодрияра политический гистерезис. Но не будем забегать вперед и остановимся сначала на особенностях современной социально-философской гносеологии, которая, как известно, выступает методологической основой экономической науки.

Во второй половине прошлого века в науке произошла гносеологическая революция, связанная, прежде всего с именем И. Пригожина, который сумел, помимо всего прочего, поставить вопросы бытия и становления, свободы и необратимости, детерминизма и индетерминизма, хаоса и самоорганизации. Если до этого времени наука могла лишь объяснять тенденции деградации, то с развитием теории синергетики начали выявляться механизмы взаимодействий, которые обуславливают самоорганизацию сложных систем.

Традиционно теория систем представляет собой специфическую область теоретического исследования, связанную с разработкой методологических принципов исследования и конструирования сложноорганизованных объектов как систем разных типов. Основой любой системы является ее структура. Именно связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура – таковы отличительные признаки любой системы. Структура представляет собой не что иное, как совокупность: а) наиболее устойчивых, сущностных, регулярно повторяющихся отношений между ее элементами и б) самих этих элементов. Названные элементы могут входить и входят в ту или иную структуру в рамках одной системы не полностью. Кроме этого, в любой сложной системе наряду с устойчивыми, сущностными, регулярно повторяющимися (упорядоченными) отношениями присутствуют неустойчивые, несущностные, случайные, хаотические отношения.

Уровень эффективности (оптимальности) функционирования любой системы зависит от устойчивых отношений присутствующих в названной системе и от ее элементов и подсистем. Система по направленности своих действий может упрочивать свою жизненность, не изменять ее или уменьшать (вплоть до гибели). Однако в лю-

бом случае ее схема связи будет неизменной – это сбор информации, переработка информации и реагирование на нее определенным действием. Чем сложнее система, тем сложнее ее схема связи.

Развитие системы представляет собой процесс необратимых качественных изменений, которые могут проявляться в трех формах: прогресс, регресс и нейтральное изменение. Именно в смене состояний, преемственности, в тенденции развития усматривается целостность развития. Важный признак развития – необратимость. Полностью обратимые процессы не дают развития.

Целостность процесса развития противоречива, она включает взаимодействия разнонаправленных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность развития правомерно рассматривать как суммарный вектор взаимодействующих тенденций). Целостность проявляется как в самоорганизации процесса, так и в его самоуправлении, базирующемся на обратной связи. Прогресс и регресс в развитии неотделимы друг от друга и предполагают один другого.

Развитие носит многовариантный характер. В синергетике рождение структур связывается с открытостью, нелинейностью и неравновесностью систем. Под открытостью системы понимается ее способность обмениваться энергией и информацией с окружающей средой, т.е. вступать в определенные связи.

Названная система обязательно имеет зоны подпитки энергией окружающей среды, которые вызывают наращивание ее структурной неоднородности. В то же время в системе непременно существуют зоны сброса энергии, которые ведут к сглаживанию в ней структурных неоднородностей. «Открытая система,- как справедливо отмечает В.В. Василькова, – способна (следуя принципу положительной обратной связи) усиливать внешние воздействия, находиться в постоянном изменении – флуктуации. Под флуктуациями понимаются случайные отклонения мгновенных значений величин от их средних значений (от состояния равновесия)» [3]. Присутствие флуктуаций – это свидетельство хаоса в системе на микроуровне. Если флуктуации сильны, то возникает необратимость развития, которая ведет либо к перестройке прежней системы, либо к ее гибели. Этот переломный момент развития, когда будущее не определено, описывается понятием точки бифуркации, под которыми традиционно понимаются «точки «разветвления» возможных путей эволюции системы» [3]. Область бифуркации характеризуется принципиальной непредсказуемостью, когда заранее неизвестно родится ли более упорядоченная структура или развитие системы станет хаотическим. Результат названного процесса будет определяться усилением или ослаблением неоднородности в системе, что в свою очередь обуславливается соотношением в рассматриваемый момент зон подпитки (источников) и сброса (стоков) энергии. И. Пригожин и Э. Стенгерс, характеризуя закономерности системной динамики, пишут: «Траектория, по которой эволюционирует система при изменении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего» [4]. Потенциальная возможность спонтанного возникновения упорядоченных структур из хаотических процессов – это важнейшая предпосылка для самоорганизации систем. Исходя из сказанного до недавнего времени выделялись два типа структур: диссипативные и нестационарные. Под диссипативными структурами понимаются структуры возникающие в результате самоорганизации, обусловленной преобладанием стоков, которые определяют действие диссипативного (рассеивающего) фактора. Последние структуры стремятся к стационарному состоянию.

Диссипативные структуры, согласно синергетической парадигме, характеризуются следующими признаками: 1) они возникают при неравновесном состоянии системы как результат ее самоорганизации; 2) их возникновение вызвано случайной флуктуацией того или иного параметра развития системы; 3) они являются открытыми, т.е. формируются при обязательном постоянном энергообмене самоорганизующейся системы с внешней средой; 4) в основе их бытия лежит механизм обратных связей; 5) они реализуют кооперативные взаимодействия на микроуровне, от чего зависят микроскопические свойства этих структур, не редуцируемые вместе с тем к свойствам их элементов; 6) формирование диссипативных структур необратимо по отношению к течению времени [5].

Нестационарные структуры – это ограниченные в определенных участках среды процессы, имеющие определенную форму и способные развиваться, трансформироваться в среде или же переноситься в ней без изменения формы. Эти структуры возникают за счет активности нелинейных источников энергии.

Эволюция социальных структур может быть адекватно рассмотрена не как смена следующих состояний: достижение равновесия, дестабилизация, потеря равновесия и новое равновесие (В. Парето), а как самоподдерживающийся порядок внутри системы. Необходимость этого определяется ограниченностью ресурсов. Отметим, что идея развития общества как потери равновесия и возврата к нему принадлежит Г. Спенсеру, который сам пришел к пониманию ее теоретической несостоятельности, после ознакомления со вторым началом термодинамики, согласно которому высшее состояние равновесия системы – это ее смерть. Вместе с тем в экономической науке до настоящего времени господствует представление о том, что национальная экономика (сложная социально-экономическая система) развивается именно таким образом: достижение равновесия, дестабилизация, потеря равновесия и новое равновесие.

Для современной экономической наукой зачастую характерен недоучет влияния внешних, в том числе и неэкономических, факторов, действие которых может радикальным образом влиять (а в современном глобальном мире и влияет) на классическое протекание экономических циклов, зачастую быстро разрушая привычное течение хозяйственной жизни в обществе. При этом также не учитывается, во-первых, неоднозначность и противоречивость процессов происходящих в национальной экономике, во-вторых, социально-классовая борьба в современном обществе, которая хоть и является часто латентной, но от этого она не перестает в значительной степени влиять на реализацию социально-экономических интересов всех социальных групп и, в-третьих, что степень восприимчивость политико-экономических и социально-экономических систем может меняться в зависимости от длительности воздействия на нее.

По поводу последнего следует отметить, что это чисто методологическое соображение одновременно обладает значительным практическим потенциалом. Поскольку зависимость реакции той или иной социально-экономической системы (национальной экономики, населенного пункта, социального класса, трудового коллектива, домашнего хозяйства и т.д.) от длительности (и интенсивности) воздействия на нее будет различно в зависимости от ряда цивилизационных, культурных, морально-нравственных, идеологических и иных факторов. Иначе говоря, полагать, что те или иные внешние по отношению к социально-экономической системе действия будут иметь некоторые желательные (для субъекта их осуществляющего или иницирующего) последствия, на основании того, что так было в каких-то других случаях и с другими социально-экономическими субъектами, в корне не верно.

Понимание этого позволяет нам выработать некоторые критерии того, какие из форм белорусско-армянского сотрудничества в сфере расширения Таможенного союза могут быть комплиментарными для обеих стран. Иначе говоря, от каких из них можно ожидать положительный экономический эффект. Особенностью Евразийского социально-экономического пространства является наличие стран, в границах которых существуют зоны некоммунальной и коммунальной материально-технологической среды (например: Беларусь, Украина). При этом если те или иные воздействия в формах не соответствующих институциональной матрице страны воздействия будут повторяться длительное время, то это будет вести к получению устойчивого результата прямо противоположного ожидаемому. Поэтому главным критерием допустимости тех или иных форм белорусско-армянского сотрудничества в сфере расширения евразийской интеграции будет выступать соответствие этих форм белорусской и армянской институциональных матриц. Следует отметить, что для наших дружественных стран характерны институциональные матрицы, опирающиеся на коммунальную материально-технологическую среду, что создает широкое поле для сотрудничества. Вместе с тем, поскольку названные матрицы в принципе не могут быть идентичны, как различна и структура наших национальных экономик, их геоэкономическое положение, то эти различия, в рамках глобальных цивилизационных общностей, позволяют Беларуси и Армении находить все новые и новые точки для усиления экономической интеграции.

При этом необходимо учитывать, что любая интеграция и интернационализация порождает не только положительные, но и негативные последствия. На этом фоне возможно возникновение социальной напряженности. В этих условиях одной из главных задач социально-научных сообществ Беларуси и Армении является помощь государству, всем здоровым силам общества в стремлении избежать трансформации объективно возникающих социально-институциональных и психологических противоречий в региональные антагонистические конфликты, ведущие к расколу общества и усилению неокOLONиального влияния на эти государства США и других стран «золотого миллиарда». Это требует расширение применения таких традиционных форм сотрудничества в сфере науки в контексте расширения Таможенного союза и ЕАЭС, как: проведение совместных научных фундаментальных исследований (с привлечением в них Российской Федерации, Казахстана и потенциальных участников ЕАЭС) для согласования экономических, политических и иных интересов стран участников этих интеграционных объединений путем нахождения оптимальных форм этой интеграции на теоретическом уровне; проведение совместных научно-технических исследований – как предпосылки экономической интернационализации белорусских и армянских хозяйственных субъектов; организация круглых столов и активная пропаганда результатов совместных исследований в СМИ. Все это будет способствовать экономии транзакционных издержек в процессе углубления белорусско-армянского экономического сотрудничества, в том числе и при совместных НИОКР. При этом необходимо шире использовать такие некоммерческие формы белорусско-армянской интеграции для расширения технологических обменов: научно-технические публикации; проведение выставок, ярмарок, симпозиумов; обмен делегациями и встречи ученых и инженеров; миграция специалистов; обучение студентов и аспирантов; деятельность международных организаций по сотрудничеству в области наук и техники и др. Сегодня участие наших стран в данной форме обмена недостаточное для успешной технологической модернизации национальных экономик.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, правомерен вывод о первичности форм проведения интеграции на постсоветском пространстве по отношению к стра-

тегическим целям интеграции. Этот вывод только на первый взгляд кажется парадоксальным. Но стоит нам, например, вспомнить громогласные заявления Президента Казахстана Н.А. Назарбаева о том, что его страна в процессе интеграции ни в коем случае не поступится своим политическим суверенитетом, но при этом готова к тесному экономическому сближению, в том числе в рамках таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, то становится очевидным явное противоречие. Ведь ограничение страны в реализации ею суверенной таможенно-тарифной политики, которое неизбежно вытекает из полноправного участия ею в таможенном союзе, напрямую связано с потерей ей части экономического и как следствие политического суверенитета. Вместе с тем форма подачи Н.А. Назарбаевым идеологической основы участия Казахстана в интеграционных процессах, которые неизбежно ведут к потере некоторых политико-экономических правомочий, позволяет снимать возможные социальные напряжения внутри страны, соответствует чаяниям казахского народа, который хочет жить социально-экономически лучше, ищет механизмы противодействия китайской экспансии в его направлении и т.д.

Можно утверждать, что именно формы осуществления межгосударственного экономического сотрудничества определяют институциональные, социальные и технологические параметры (границы) и возможные механизмы этого сотрудничества.

Как известно в современном мире глобальные финансы в значительной мере оторваны от процессов происходящих в реальной экономике. Ж. Бодрийяр по этому поводу в частности писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолл-стрит в 1987 г., является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики» [6, с. 40]. Далее он поясняет свою мысль: «Единственная реальность – это безудержный орбитальный оборот капитала, который если и завершится обвалом, не повлечет за собой существенного нарушения равновесия в реальной экономики (в отличие от кризиса 1929 г., когда противоречия между двумя экономиками еще не стали столь значительными). Без сомнения, так происходит потому, что сфера спекулятивных оборотных капиталов уже настолько автономна, что сами ее конвульсии не оставляют никаких следов. Они, однако, оставляют убийственный след в экономической науке, совершенно безоружной перед лицом этого взрыва своего объекта» [6, с. 41].

Действительно, если исходить из некоторых экономико-математических прогнозов (в данном случае имеются в виду те расчеты, в основе которых лежат излишне упрощенные, а иногда и преднамеренно ложные, вводные [7]) или теоретических построений сторонников либерального направления экономической мысли, то можно сделать ложный вывод, что снятие барьеров в допуск на внутренний рынок зарубежных инвестиций всегда благо для экономики. На самом деле это умозаключение в корне не верно и вредно. Для любой национальной экономики может иметь катастрофические последствия моментальное проникновение в нее глобальных, спекулятивных в своей основе, финансов. Уже упоминаем Ж. Бодрийяр много лет назад писал, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз

уступает объему перелива капитала)» [6, с. 42]. Далее он подчеркивает, что «надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эта свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой» [6, с. 43].

Таким образом, белорусско-армянского сотрудничество в рамках функционирования и расширения ЕАЭС должно быть направлено на обеспечение безопасности наших экономики от угрозы со стороны глобальных финансов, сопровождаемое дальнейшим совершенствование национальных и межгосударственных финансовых отношений. Наиболее оптимальными формами такого сотрудничества на современном этапе могут стать: создание единой валюты в рамках ЕАЭС, переход во взаимных расчетах в белорусско-армянской торговле на наши национальные валюты, двухсторонняя интернационализация в банковской сфере и т.д.

Важным направлением белорусско-армянского сотрудничества в рамках функционирования и расширения ЕАЭС может выступить обеспечение продовольственной безопасности. Поскольку белорусский АПК по уровню своего развития значительно превосходит все страны ЕАЭС, то Армения вправе рассчитывать, что с нашей помощью сможет решить свои продовольственные проблемы. Наиболее перспективными формами такого сотрудничества, наряду с торговлей продовольствием, могут стать: открытие сборочных производств белорусской сельхозтехники в Армении; продажа ей новых аграрных технологий, разработанных белорусскими учеными, которые при необходимости могут быть районированы к армянским условиям, в том числе и путем создания в Армении опыт производств с участием белорусской стороны; создание совместных сельскохозяйственных предприятий, как в Армении, так и в Беларуси; согласованная политика импортозамещения на сельскохозяйственную продукцию и т.д. При этом надо учитывать, что белорусско-армянские экономические отношения сегодня по-прежнему не достаточно развиты. Явно недостаточно взаимных прямых иностранных инвестиций, и то, что белорусские предприятия экспортируют в Армению преимущественно грузовые автомобили, шины трактора, сливочное масло, бумагу и картон, лекарственные средства, синтетические ткани, кожу, фанеру, так же свидетельствует о значительных резервах в наших экономических отношениях. Важным стимулом для расширения белорусско-армянского экономического сотрудничества должна стать ликвидация экономической блокады Армении, в том числе с открытием железнодорожного сообщения между Республикой Армения и Российской Федерацией через территорию Абхазии.

Вышеназванные формы сотрудничества в сфере обеспечения продовольственной безопасности и технологических обменов безусловно будут этому способствовать. Кроме этого следует наращивать интеграции и в сфере промышленности. В результате экономической блокады произошла деиндустриализация Армении, которая привела к заметному технологическому разрыву между нашими странами. В этих условиях перспективными формами белорусско-армянского сотрудничества могут стать: технологические трансферты из Беларуси; подготовка армянских промышленных рабочих и инженеров в белорусских сузах и вузах, возможное открытие в Армении филиалов ведущих технических вузов республики Беларусь; кадровые трансферты; согласованная политика импортозамещения на индустриальную.

В настоящее интеграционные процессы в СНГ перешли на более высокую ступень. Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана, постепенно трансформировался в ЕАЭС, попутно включив в себя Армению и Киргизию. Наряду с очевидными

экономическими преимуществами такого расширения (увеличение рынков сырья, комплектующих и готовой продукции), повышение финансовой устойчивости стран-участниц (в частности, за счет создания дополнительных стабилизирующих надгосударственных финансовых институтов) и т.д. перед интеграционным объединением возникает ряд новых вызовов. К последним можно отнести серьезные различия между странами-участницами в научно-технологическом, экономическом и рыночно-институциональном и культурно-цивилизационном развитии. Конечно, как мы уже отмечали ранее, плюсов от интеграции больше чем минусов, но закрывать глаза на последние – это значит делать проблемы политико-экономические латентными, т.е. плохо контролируемые. Поэтому, по нашему мнению, когда речь идет о расширении таможенного союза как фактора повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц необходимо учитывать и положительные и отрицательные тенденции.

Исходя из такого подхода все факторы повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц таможенного союза, связанные с его расширением, могут быть условно разделены на две основных группы: 1. снижающие социальные, политические и экономические риски (внешние шоки), возникающие в результате усиления глобальной политэкономической нестабильности, расширения феномена глобальных финансов и растущего применения на международной арене информационного оружия как способа разрушения экономик стран-конкурентов; 2. повышающие технологический, социальный, экономический, институциональный, культурный потенциалы и увеличивающие внутреннее потребление, которые выступают объективной базой роста конкурентоспособности стран-участниц.

Постановка на первое место среди факторов повышения экономической конкурентоспособности стран – участниц Таможенного союза те факторы, которые способствуют снижению внешних шоков вполне закономерно в начале XXI века, когда взаимозависимость стран и регионов достигла своего исторического максимума, а конфликтность в международных отношениях продолжает возрастать. Э. Ласло отмечает, что «конфликты создают неустойчивость и напряжение в структуре международных отношений» [8]. В современных условиях под воздействие ускорения НТП (в том числе и в сфере общественно-функциональных инноваций) социальное время сжимается, а нестабильность социальной и культурной сфер (во многом как результат событий 1968 г.) в странах золотого миллиарда постоянно подогревается нарастанием в них классовых противоречий и усилением классовой борьбы. То, что эта борьба в ЕС часто принимает форму этнических или региональных противоречий, только усложняет понимание этого процесса, препятствует разработке действенных инструментов смягчения этих противоречий. Г.В. Плеханов писал: «Интересы различных классов не всегда противоположны. Но для возникновения классового антагонизма достаточно простого различия интересов <...> А иногда для возникновения классовой борьбы не нужно имущественного неравенства, а достаточно различия местных интересов» [9].

Стремясь смягчить внутренние противоречия и переложить на другие страны затраты на проведение социальной политики в странах золотого миллиарда их руководство, политические и финансовые элиты усиливают своё политическое, военное и идеологическое давление на остальные страны. Да и между странами золотого миллиарда усиливаются политико-экономические противоречия. Как результат возникло новое мироустройство. Я.С. Яскевич пишет по этому поводу: «Противоречивая и конфликтная модель современного социально политического развития постулирует сегодня формирование нового мироустройства, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств, признание со-

временного общества «позднего модерна» обществом риска и трактовкой риска как положительного феномена, понимание рискогенности современности, для которой характерны неопределенность и увеличивающийся индетерминизм социальных структур и социальных агентов» [10, с. 7]. Поэтому Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана, ЕАЭС (и сейчас и по мере их расширения) во многом направлены на нейтрализацию геополитических рисков с такими их угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних шоков и риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска [11]. Глобальная политическая и социально-экономическая нестабильность так же усиливается переходом экономически развитых стран к более высокому технологическому укладу, что сопровождается хроническим институциональным кризисом классического капитализма. Это проистекает из того, что «когда сложные открытые системы достигают критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются» [12]. Таким образом, для современного западного общества, прежде всего общества потребления, наступил момент истины – исчезнуть с мировой арены или радикально трансформироваться. При любом варианте событий это усилит глобальную неопределенность.

Насколько успешными будут усилия стран – участниц Таможенного союза по минимизации социально-экономического ущерба, возникающего как результата внешнего недружественного воздействия со стороны других стран, настолько будет возрастать и экономическая конкурентоспособность стран – участниц Таможенного союза. При этом, чем больше стран (со схожими институциональными матрицами) войдут в таможенный союз, чем более оптимальные формы и механизмы проведения интеграции на постсоветском пространстве будут найдены и соответственно, чем выше будет уровень межгосударственного экономического сотрудничества в институциональных, социальных и технологических сферах, тем большее положительное влияние будет оказывать названная интеграция на экономическую конкурентоспособность стран-участниц.

Можно однозначно утверждать, что не смотря на то, что «в связи с бурным ростом других государств «однополярный момент» закончился и эпоха Pax-Americana – эра американского доминирования в мировой политике, которая началась в 1945 г. – стремительно движется к своему завершению» [13] – это никак положительно не повлияет на стабильность международных отношений. Напротив стремление со стороны США удерживать за собой геэкономическое лидерство, а со стороны других стран и межгосударственных объединений урвать себе кусок пирога побольше только усилит геэкономически и политико-экономические риски. В связи с чем значение создания и развития межгосударственных союзов на постсоветском пространстве становится жизненно важным не только для повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц, но и для сохранения национального суверенитета, а возможно и физического выживания наших народов. В.Н. Шимов и Я.С. Яскевич по этому поводу отмечают, что «Евразийский экономический союз можно рассматривать как своего рода альтернативу модели однополярного мира с ее установкой на мировое господство и гегемонию, «новый порядок веков», модель «мира по-американски». Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами интеграционных процессов» [10, с. 9]. Нелинейная динамика многих глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мировых рынков капиталов и энергоно-

сителей, мировой банковской системы, товаров и услуг обуславливают необходимость более внимательного изучения сценариев развития геополитических интеграционных процессов и рисков. При этом необходима рациональная оценка национальной экономики, построение долговременной экономической стратегии страны с учетом трендов мировой хозяйственной системы [14].

Действие факторов повышения экономической конкурентоспособности стран – участниц Таможенного союза, связанных с его расширением, второй группы (повышающие технологический, социальный, экономический, институциональный, культурный потенциалы и увеличивающие внутреннее потребление, которые выступают объективной базой роста конкурентоспособности стран-участниц) неразрывно с действием вышеописанных факторов. Причем эта зависимость взаимна: чем успешнее преодолеваются внешние шоки, тем более благоприятные условия в стране для технологического, социального, экономического, институционального, культурного развития, роста ВВП и увеличения внутреннего потребления, в том числе и домашних хозяйств. С другой стороны, чем выше технологический, социальный, экономический, институциональный и культурный уровень, чем больше темпы роста ВВП и потребления домашних хозяйств, тем устойчивее национальная экономика в внешних шоках. Не случайно сегодня, как отмечает Я.С. Яскевич: «среди факторов, влияющих на оценку интеграционных процессов и рисков, выделяют материальные ресурсы (капитал, трудовые ресурсы, профессиональные навыки, культура управления, технологии, природные ресурсы); социально-политические факторы (социальная неоднородность, расслоение общества, распределение дохода, политическая система, внутренние конфликты, легитимность правящей элиты); политику правительства, (цели, финансовая политика, денежная политика, промышленная политика, политика занятости, торговая политика, инвестиционная политика, структурная политика, внешняя политика, политика доходов); международные факторы (геополитические, цены на нефть, цены на товары, валютные курсы, процентные ставки, инфляция, торговые тенденции)» [10, с. 10].

К факторам роста экономической конкурентоспособности стран-участниц таможенного союза, связанным с его расширением, за счет повышения технологического, социального, экономического, институционального, культурного потенциалов, увеличивающие внутреннее потребление и устойчивый рост ВВП, как нами уже было показано выступает оптимизация форм и усиление межстранового сотрудничества в сферах: финансовой, научной, технологических обменов: продовольственной безопасности: промышленного производства. Эти направления нами уже достаточно полно были раскрыты выше и поэтому подробно опишем лишь такой важнейший фактор, как скорейший переход к новейшему технологическому укладу, под которым нами будет пониматься хозяйственная система «с присутствием научно-технического ядра, возникшего на основе научно-технического прорыва, воплощенного в соответствующем типе индустрии со специфическими организационно-экономическими отношениями» [15]. Переход к новейшему технологическому укладу для Республики Беларусь означает создание социально-научного сообщества, материальную базу которого создаст сверхиндустриальная экономика. Отличительной особенностью перехода к этому этапу является быстрый рост роли общественных наук и общественно-функциональных инноваций в народном хозяйстве. При этом в экономической науке возникает необходимость (проистекающая из изменения предмета этой науки) создания новой экономической парадигмы. С.Ю. Глазьев по этому поводу писал: «В основу методологии новой парадигмы обществоведения должны лечь современные общесистемные представления о процессах развития. Согласно этим общесистемным пред-

ставлениям, развитие любой системы представляет собой неравномерный процесс, определяемый ее структурой» [16]. А.В. Барышева справедливо замечает по этому поводу: «Можно утверждать, что человек действительно движется к новой модели научного познания, которая представляет собой открытый, нелинейный, самоорганизующийся процесс. Опыт такого познания не просто представляет большой интерес для науки, но он жизненно необходим – это средство выхода ее из кризиса и завоевания новых высот» [17, с. 10]. Далее она поясняет, что именно на этапе становления экономики знаний потребность пересмотра предмета экономической науки «превращается в настоятельную необходимость <...> Стало очевидно, что научный анализ экономического, в том числе инновационного, развития не может опираться лишь на традиционные экономические процессы и предпосылки: финансирование, стимулирование спроса, рыночные методы регулирования инноваций, коммерциализацию знаний и проч. в отрыве от социокультурных, этических, психологических, духовных, политических факторов, вне контекста философского осмысления проблем. Стоимостные показатели, традиционно, в количественных терминах отражающие ход хозяйственной деятельности и движение макроэкономических величин, в преддверии общества, основанного на знаниях, не могли адекватно описать экономическое развитие страны и факторы, его определяющие» [17, с. 10–11]. А.В. Барышева, вслед за Ж. Бодриаром, подчеркивает, что «современная экономика, основанная на знаниях, это не продолжение тенденции мирового развития, а принципиально иное явление во всех отношениях, ведущее к кардинальному изменению коренных основ экономики и общества в целом, становлению новой парадигмы общественно-экономического развития и требующее новой парадигмы научного познания [18, 19, 20]. Можно сказать, что это другой мир, другое общественное устройство, новая система отношений, иное сознание, иные принципы взаимодействия, иная протяженность времени, связанная с чрезвычайным динамизмом жизненного пространства» [17, с. 10–11]. Поскольку хозяйственная деятельность превращается в создания, распространения и использования знаний, то человечества мысль, идея стали не просто непосредственной производительной силой, но при необходимости и разрушительным оружием (информационное оружие), хоть и уступающим по мощности атомной бомбе, но в отличие от последней повсеместно используемым и поэтому куда более страшным. На фоне виртуализации экономики и расширения глобальных финансов проблема создания единого социально-научного сообщества в рамках СНГ как персонификации и социализации человеческого капитала как главной производительной силы сверхиндустриальной экономики и как важнейшего фактора обеспечения устойчивости к внешним шокам и информационной агрессии становится важнейшим условием повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц. При этом расширение таможенного союза становится как важной предпосылкой единого создания социально-научного сообщества стран-участниц, так и серьезным стимулом для расширения этого союза.

Выяснено, что главным критерием допустимости тех или иных форм белорусско-армянского сотрудничества в сфере расширения евразийской интеграции будет выступать соответствие этих форм белорусской и армянской институциональных матриц. Также доказана первичность форм проведения интеграции на постсоветском пространстве по отношению к стратегическим целям интеграции. Именно формы осуществления межгосударственного экономического сотрудничества определяют институциональные, социальные и технологические параметры (границы) и возможные механизмы этого сотрудничества.

Выработаны наиболее оптимальные формы белорусско-армянского сотрудничества в рамках функционирования и расширения ЕАЭС в финансовой сфере: созда-

ние единой валюты в рамках ЕАЭС, переход во взаимных расчетах в белорусско-армянской торговле на наши национальные валюты, двухсторонняя интернационализация в банковской сфере и т.д.; в сфере науки: проведение совместных научно-технических исследований – как предпосылки экономической интернационализации белорусских и армянских хозяйственных субъектов; организация круглых столов и активная пропаганда результатов совместных исследований в СМИ; в сфере технологических обменов: научно-технические публикации; проведение выставок, ярмарок, симпозиумов; обмен делегациями и встречи ученых и инженеров; миграция специалистов; обучение студентов и аспирантов; деятельность международных организаций по сотрудничеству в области наук и техники и др.; в сфере продовольственной безопасности: торговля продовольствием; открытие сборочных производств белорусской сельхозтехники в Армении; продажа ей новых аграрных технологий, разработанных белорусскими учеными, которые при необходимости могут быть районированы к армянским условиям, в том числе и путем создания в Армении опыт производств с участием белорусской стороны; создание совместных сельскохозяйственных предприятий, как в Армении, так и в Беларуси; согласованная политика импортозамещения на сельскохозяйственную продукцию и т.д.; в сфере промышленного производства: технологические трансферты из Беларуси; подготовка армянских индустриальных рабочих и инженеров в белорусских сузах и вузах, возможное открытие в Армении филиалов ведущих технических вузов республики Беларусь; кадровые трансферты; согласованная политика импортозамещения на индустриальную продукцию.

Установлены факторы повышения экономической конкурентоспособности стран-участниц таможенного союза, связанных с его расширением, и проведена их типологизация. Показано действие этих факторов, повышающих конкурентоспособность стран-участниц как путем снижения социальных, политических и экономических рисков (внешних шоков), как следствия усиления глобальной политэкономической нестабильности, расширения феномена глобальных финансов и растущего применения на международной арене информационного оружия как способа разрушения экономик стран-конкурентов, так и за счет повышения технологического, социального, экономического, институционального, культурного потенциалов, увеличивающих внутреннее потребление и устойчивый рост ВВП. Доказано, что без создания единого социально-научного сообщества невозможно обеспечить повышение конкурентоспособности стран – участниц Таможенного союза.

Литература

1. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями (Ответ Джону Кэю) // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 14.
2. WoodFord V/ What's Wrong With Economic Models? A Response to John Kay // inet-economics.org / blog / inet/ michael- woodford-response-john-kay. 2011.
3. Василькова В.В Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – С. 19.
4. Пригожин И., Стенгерс Э. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 227–228.
5. Можейко М.А. Синергетика.// Всемирная энциклопедия: Философия./ Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов.- М.: АСТ, Харвест, Современный литератор. 2001. – С. 932.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
7. Перкинс Джон. Исповедь экономического убийцы. Предисловие, научная редакция д.э.н., проф. Л.Л. Фитуни. – М.: Претекст, 2007. – С. 190–191.
8. Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Куда движется век глобализации? / Под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина. – Волгоград: Учитель, 2014. – С. 9.

9. Плеханов Г.В. Первые фазы учения о классовой борьбе // Избранные философские произведения. – М., 1956. – Т. 2. – С. 480–481.
10. Яскевич Я.С. Национальные интересы согласие и толерантность: Пространство Евразийской интеграции // Вестник Белорусского государственного экономического университета. Научно-практический журнал, 2015. – № 1.
11. Глущенко В.В. Теория государства и права: системно-управленческий подход / В.В. Глущенко. – Железнодорожный: Крылья, 2000. – С. 24; Яскевич Я.С. Национальные интересы согласие и толерантность: Пространство Евразийской интеграции // Вестник Белорусского государственного экономического университета. Научно-практический журнал, 2015. – № 1. – С. 7–8.
12. Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Куда движется век глобализации? / Под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина. – Волгоград: Учитель, 2014. – С. 11.
13. Global Trends 2030: Alternative Worlds // A report of U.S. National Intelligence Council [Electronic resource]. – URL. – 2012. – Mode of access: <http://public.intelligence.net/global-trends-2030/>. – Дата доступа: 20.10. 2014.
14. Шимов В.Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития // Социология. – 2014. – № 3, 7–16.
15. Наумович О.А. Становление высокотехнологического уклада в экономике Республики Беларусь: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Минск: БГЭУ, 2014. – С. 3.
16. Глазьев С.Ю. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 50.
17. Барышева А.В. Модернизация России с позиции новой парадигмы научного познания. – М: ООО «ИПЦ “Маска”», 2012. – 340 с.
18. Пастухов А.Л. Развитие университетских комплексов в экономике знаний / А.Л. Пастухов, Г.А. Исаев // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии № 1 (11). – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2012. – С. 31–40.
19. Пастухов А.Л. Управление знаниями. – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. – 163 с.
20. Пастухов А.Л. Проблемы и перспективы развития системы управления знаниями в университетском комплексе // Журнал правовых и экономических исследований. № 3, Гатчина: АОУ ВПО ГИЭФПиТ – 2010. – С. 78–81.

Семенова А.В.,
канд. экон. наук, доцент (СПбГЭУ)

О РОЛИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

О роли конфликтных ситуаций в организациях и на предприятиях на сегодняшний день сказано достаточно много. Различные теоретические и практические разработки в области конфликтологии адаптированы к современным условиям и успешно внедряются не только в крупных, но и в средних и даже поэлементно в мелких предприятиях как специалистами в области управления персоналом и кадрового производства, так и профессиональными психологами.

В настоящее время конфликт является наиболее распространенным явлением в обществе и имеет самое сильное влияние на формирование системы отношений между людьми на всех уровнях человеческого существования. Но в данном исследовании автора интересует конфликт и конфликтная ситуация в совершенно конкретных условиях при заданных факторах.

Представим себе промышленное предприятие, которое в современных весьма неопределенных и неустойчивых макроэкономических условиях, но при заданной